

Александра Черкасски

(Бохум)

МЕСТО ХОЛОКОСТА В СОВЕТСКОМ МЕМОРИАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ*

Напечатано в сборнике «Война, холокост и историческая память»
Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике, том IV
Академическая серия, выпуск 48. Москва, 2013

В рамках официальной памяти, во многом определяемой уже самой формой политического правления в Советском Союзе, имплицитным становится понятие «политика памяти». Эта нормативная память, находящаяся под контролем государства, проявлялась в общественной сфере. В то же время любые иные интерпретации и варианты памяти были смещены в частную сферу и превращались поэтому в «частную память»¹. Официальная или государственная память реализовывалась, как правило, в местах, куда было легко попасть всем желающим: в ее сфере оказывались памятники, официально признанные властями, которые располагались обычно у всех на виду, часто в центре городов и сел (на площадях и в скверах). Даже если такие памятники находились в сельской местности (а иногда они целенаправленно ставились вблизи от важных дорог), они все равно попадали в сферу официальной пропаганды.

Примерами проявления частной памяти могут служить неофициальные памятники, находившиеся вне рамок действия стабильной инфраструктуры городов и сел — на кладбищах либо непосредственно в местах массового уничтожения населения, нередко в труднодоступных для ухода и посещения местах. Они не были включены в образовательные программы, куда приводили школьников и экскурсантов. То есть, оставаясь составной частью общественной культуры, они были вытеснены из официальной памяти в частную.

В данной статье на конкретных примерах создания памятников жертвам Холокоста будет рассмотрен вопрос о том, где и при каких условиях в советском мемориальном ландшафте было выделено место памяти евреям-жертвам Второй мировой войны.

Чтобы понять, из чего исходили власти, когда они давали разрешение на установление памятника или, наоборот, отклоняли инициативы евреев по увековечению жертв Холокоста, а также оценить эти действия в рамках сопоставления официальной и частной памяти, остановимся на ряде вопросов: 1) положение и статус евреев в Советском Союзе; 2) положение еврейских религиозных общин начиная с 1943 г.; 3) юридические основы деятельности этих общин по установке памятников жертвам Холокоста начиная с 1947 г.; 4) общая юрисдикция установки памятников в Советском Союзе.

В Советском Союзе понятие «еврей» означало этническую принадлежность человека, в то время как «иудей» отражало принадлежность к одному из вероисповеданий. Формально советские евреи обладали всеми правами и обязанностями, как и другие этнические группы, проживавшие на советской территории². Что касается вероисповедания, то в Советском Союзе не только церковь была отделена от государства, но и вся религиозная деятельность находилась под жестким контролем специально для этого созданных органов. С 1943/1944 гг. такими инстанциями стали Совет по делам религиозных культов (курировавший все неправославные группы верующих) и Совет по делам Русской православной церкви. Позже, в 1965 г., эти два совета были слиты в один общий «Совет по делам религий»³. В соответствии с имевшимся положением, все действия официально зарегистрированных иудейских религиозных общин контролировались непосредственно Советом по делам религиозных культов и его региональными отделениями. В соответствии с советским законодательством, все религиозные обряды были разрешены только в пределах молитвенных зданий (у евреев исключение составляла выпечка мацы и кошерный убой скота). Исходя из этого, в рамках деятельности религиозных общин основной возможностью поминовения погибших в Холокосте со стороны как религиозных, так и нерелигиозных евреев, стала поминальная молитва, произносимая в ходе религиозных служб⁴.

Особой сферой поминальной активности еврейских общин стала установка памятников. Однако это выходило за рамки действий, предписанных и разрешенных еврейским религиозным общинам. В результате еврейские общины часто сталкивались с препятствиями со стороны не только контролирующих их отделов Совета по делам религий, но и местных властей.

Следует уточнить, что после войны установка памятников входила в

компетенцию Комитетов по делам архитектуры и искусств при Совете Министров СССР, а также отделов коммунального хозяйства⁵. Позже, после создания Министерства Культуры СССР в 1953 г. и его местных отделений, вопросы установки мемориальных памятников перешли под контроль этого ведомства .

Альтернативная возможность для поминания родных и близких у членов еврейских религиозных общин существовала благодаря тому, что формально вся деятельность, связанная с похоронами и кладбищами, входила в ведение отделов коммунального хозяйства. При этом фактически сами кладбища, разделенные по конфессиональному (этническому) признаку или отдельные конфессиональные (национальные) участки на общих кладбищах, нередко передавались для ухода за могилами и благоустройства их территории религиозным общинам⁷. То есть возникала юридически не совсем ясная ситуация. С одной стороны, общины, подчиненные местным отделениям Совета по делам религий, не имели права заниматься ежегодным ритуалом поминовения и использовать специфическую национальную символику на надгробных плитах и памятниках. С другой стороны, кладбища — даже конфессиональные — в отличие от молельных зданий не входили в компетенцию Совета по делам религиозных культов, и он не мог вмешиваться в эту деятельность. Во избежание этой административной путаницы, в 1947 г. на совместном заседании Совета по делам религиозных культов и Совета по делам Русской православной церкви было решено, что кладбищенское дело находится под надзором органов коммунального хозяйства и «в силу этого вопрос о состоянии кладбищенского хозяйства не может входить в компетенцию работы обоих Советов»⁸. Таким образом, многие конфессиональные кладбища оказались в так называемой «серой зоне», в которой при передаче территории кладбища для ухода религиозной общине открывалась возможность работы по увековечению погибших в годы Второй мировой войны. В то же время религиозные общины и инициативные группы не имели полной свободы действий по установлению памятников, даже на кладбищах, без согласования своих планов с местными властями.

Для иллюстрации сложившегося положения приведем несколько примеров установления памятников еврейскими общинами или частными инициативными группами. При этом сразу необходимо оговориться, что вид памятников определялся не только диктатом властей, но и самоцензурой членов еврейских религиозных общин и других инициативных групп евреев, которые опасались последствий для себя и

для своих семей. Независимо от причин, следует констатировать, что имелось немало памятников, которые ничем не отличались от официальных образцов, украшенных пятиконечной звездой и имевшими общие завуалированные надписи типа «Памятник жертвам фашизма», «Памятник в память о мирных жителях» либо «в память о мирных гражданах». Однако понять, какие из памятников стали результатом самоцензуры евреев, а какие приняли такую форму из-за вмешательства властей, можно, только ознакомившись с материалами семейных и частных архивов, а также с официальными документами, находящимися в государственных архивах.

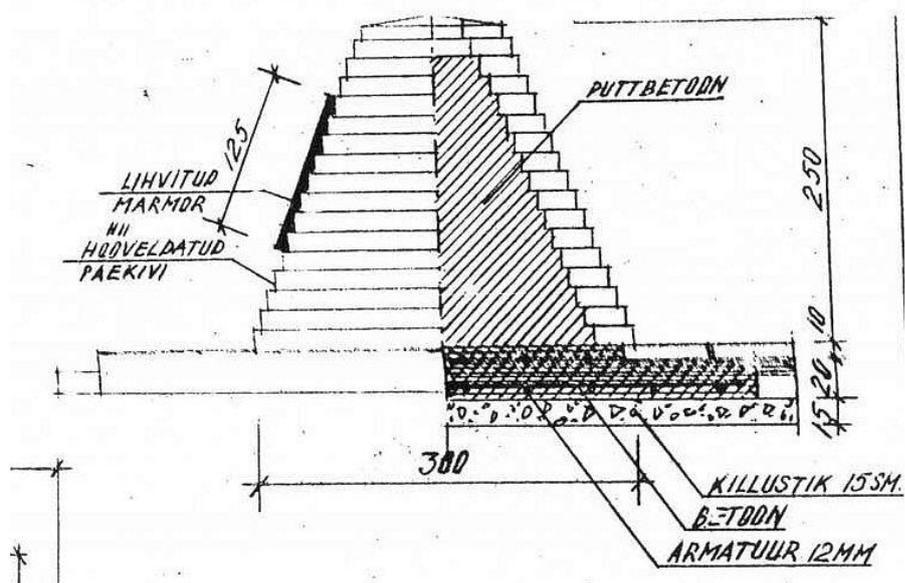
Историю установления памятника на кладбище Рахумяэ в Таллинне можно проследить на основе документов из частного архива Льва Шаломовича Минкова, хранящихся в Архиве эстонских евреев Еврейского музея Эстонии⁹, а также по воспоминаниям его дочери Шуламит Минковой¹⁰. Лев Шаломович Минков (1905-1978) в 1968-1978 гг. был председателем правления Еврейской религиозной общины Таллинна и приложил немало усилий для увековечивания памяти жертв Холокоста в Эстонии. В середине 1968 г. члены правления Еврейской религиозной общины развили активную деятельность в надежде получить от местных властей разрешение на установку памятника с мемориальной доской в еврейской части городского кладбища. К прошению, отправленному на имя городских властей и подписанному 55 членами общины, был приложен проект и текст мемориальной доски на трех языках: эстонском, русском и идише — «Жертвам фашизма 1941-1944». Это была 2,5-метровая стела с памятной доской на лицевой стороне (илл. 1, 2).¹¹

В обращении указывалось, что все расходы по изготовлению и установке памятника община берет на себя. В прошении и в дальнейшей переписке с городскими властями руководство общины разъяснило, что поскольку евреи Таллинна были депортированы нацистами в лагеря смерти, расположенные за пределами СССР, то у их родных и близких нет возможности посещать места их массовых захоронений, тем более что эти места неизвестны. Поэтому установление мемориальной доски в память о погибших на городском кладбище Таллинна дало бы возможность родным и близким возлагать цветы в этом месте. Последним звеном в этой переписке с властями стал официальный отказ Совета народных депутатов города Таллинна, составленный 22 августа 1969 г. Тем не менее после нескольких повторных обращений и просьб руководство общины в 1973 г. получило, наконец, от главного архитектора города Дмитрия Брунса неоднозначный устный ответ, из которого следовало, что получить

официально разрешение на открытие мемориальной доски невозможно, но если подобный памятный знак будет установлен, то местные власти никаких действий по его демонтажу предпринимать не будут¹².

Илл. 1. Проект памятника в Рахумяе

Илл. 2. Проект памятника в Рахумяе

Илл. 3. Памятник в Рахумяе

В результате в течение одной ночи на кладбище был установлен памятник с надписью на четырех языках — иврите, идише, эстонском и русском. На иврите и идише: «Мы Вас никогда не забудем», а на эстонском и русском — «В память жертвам фашизма»¹³ (илл. 3).

Другим примером деятельности по увековечению жертв Холокоста может служить история установления памятника в месте расстрела еврейского населения Рославля (Смоленской области), на еврейском кладбище. Эту историю можно восстановить благодаря записям Елены Алексеевны Ивановой, внучатой племянницы Ф.М. Достоевского, опубликованным в 2012 году центром «Холокост» и Российским еврейским конгрессом¹⁴. Сравнив изначальные наброски проекта памятника с его конечной версией, которая была реализована в 1968 году, можно говорить о тех изменениях, которые произошли в ходе реализации этого проекта. В итоговом памятнике форма и надпись уже полностью соответствовали официальным образцам: обелиск увенчан пятиконечной звездой, а надпись вместо изначального текста на идише сделана исключительно на русском языке: «Здесь покоятся останки более тысячи советских граждан — женщин, стариков и детей, замученных и убитых фашистами в 1942 году»¹⁵.

Аналогичный случай вмешательства властей в процесс установки памятника на месте расстрела еврейского населения имел место и в городе Червень, Белорусской ССР. На это указывает в своей статье «Это было в Червене» Леонид Смиловицкий, основываясь на докладной записке секретаря Минского областного комитета комсомола И.Е.

Полякова секретарю Минского областного комитета партии В.И. Козлову¹⁶. Благодаря публикации самого документа у нас имеется возможность проанализировать аргументацию местного комсомольского деятеля. В этом письме бывшим партизаном Поляковым ставится вопрос, связанный с юрисдикцией работ «по увековечиванию памяти павших в борьбе с гитлеризмом».

Во-первых, важно то, что Поляков рассматривал все жертвы национал-социализма («немецко-фашистских захватчиков») исключительно в героическом контексте «борьбы». Следовательно, гражданским жертвам придавались черты активных участников противостояния нацистским оккупантам и статус павших героев. Исходя из этого подхода, память о героях не могла быть передана в частные руки, а уж тем более недопустимым было подчеркивание их национального происхождения. По мнению Полякова, если даже частная инициатива в какой-то мере была допустима, то происходить это должно было «только с разрешения органов Советской власти». В связи с этим возникает вопрос: исходил ли он из общегосударственных нормативных директив по отношению к уничтоженному мирному населению, и если да, то насколько местные власти в Таллинне и в Рославле также руководствовались такими директивами?

Стоит упомянуть, что сами понятия официальных категорий жертв и героев Второй мировой войны развивались в Советском Союзе поэтапно¹⁷. Вопрос в том, насколько гражданские жертвы в конце 40-х гг. причислялись к категории героических¹⁸, что становилось особенно важным в рамках общего занижения числа жертв: официальная послевоенная цифра составила 7 миллионов человек, в противовес принятой сегодня оценке в 26 миллионов.

Илл. 4. Памятник в Куренце

Во-вторых, в записке Полякова отсутствует разграничение разных категорий мест памяти. То есть предполагается, что памятник должен быть поставлен не на территории кладбища, иначе это бы прозвучало в его тексте, а на одном из мест массового уничтожения под названием «Глинище», расположенном вне кладбищенской территории на Заметовской улице²⁰. В конечном итоге в 1968 г. после длительной бюрократической процедуры и неблагоприятных последствий для лиц, которые занимались этим в конце 1940-х гг., был поставлен памятник. Таким образом, благодаря ходатайству инициативной группы евреев были возведены памятные знаки, хотя их содержание пришлось согласовывать с местными властями.

Наряду с такими памятниками, как те, о которых говорилось выше, имеется другая категория памятников, поставленных на еврейских кладбищах/ еврейских участках общих кладбищ и в местах массового уничтожения евреев на окраинах местечек и сел, в которых прямо указана национальность жертв. Например, в местечке Куренец в Белорусской ССР памятник был поставлен в 1955 г.²¹ По форме памятник представляет собой маленький обелиск, украшенный сверху пятиконечной красной звездой.

Илл. 5. Памятник в Куренце

Текст на памятнике выбит на русском языке: «Здесь покоятся 1040 человек еврейской национальной принадлежности места Куренец, зверски замученных фашистскими захватчиками в сентябре (19)42 г.»²² (илл. 4, 5). Аналогичные памятники существуют в других местах, на которых посредством надписей на идише показана национальная принадлежность жертв, как, например, в Дзержинске, недалеко от Минска. На этом памятнике надпись по-русски гласит: «В жизни и смерти неразлучимы», и далее следует добавочная надпись на идише и на русском: «Здесь лежат 1600 граждан города Дзержинска, погибшие от руки фашистских убийц 21 октября 1941г.»²³. Более того, часть памятников с прямым указанием, что в тех местах уничтожены евреи, занесена в областные своды памятников, в том числе упомянуты памятники в Куренце, Илье, Ивинце, Воложине и других местах.

Приведенные примеры показывают, что еврейские общины или инициативные группы выносили свою мемориальную деятельность за стены синагог, в частности на территорию кладбищ и на места массовых уничтожений евреев. В то же время, исходя из места установления памятников и из того, что инициативы исходили от самих людей, в том числе в области финансовой деятельности и в работе по фактической реализации проектов, следует отнести этот вид деятельности по увековечению памяти погибших евреев в разряд частной памяти. Такое причисление усилено тем, что памятник предназначен для ограниченных

групп адресатов, и тем, что поддержание памятника реализовывалось самими еврейскими религиозными общинами или частными группами евреев. Кроме того, в отличие от государственных памятников это место не становилось местом особого местного, регионального, республиканского или общегосударственного значения, в котором проводились государственные мероприятия по формированию у молодежи патриотического сознания.

В то же время среди мемориалов и памятников, которые использовались властями в образовательных целях, вопреки ожиданиям, находились и такие, где тем или иным способом (непосредственным выделением еврейских жертв, иностранных жертв или использованием языка идиш) были упомянуты еврейские жертвы нацизма. Принято считать, что в Прибалтике тематика Холокоста присутствовала в общественном дискурсе намного больше и на более свободном уровне, чем в других республиках. Такие предположения делаются исходя из того, что в Советском Союзе у союзных республик имелась своего рода автономия, несмотря на то что важные идеологические вопросы решались на общегосударственном централизованном уровне²⁵.

Однако, вопреки этим утверждениям, в тех случаях, когда затрагивался довольно деликатный вопрос о группах жертв нацизма в рамках общего нарратива о Великой Отечественной войне, контроль был исключительно на общегосударственном уровне. Чтобы подтвердить это предположение, сравним историю установления памятников в Саласпилсе, в Латвии, и «на Яме» в Минске.

Недалеко от Риги, на территории бывшего нацистского лагеря Саласпилс в 1967 г. был воздвигнут мемориальный комплекс жертвам нацизма. Во избежание путаницы, здесь будет говориться не о лагере для военнопленных, шталаге-350, который тоже находился в городе Саласпилсе. Здесь будет идти речь о Саласпилском лагере, который одно время появлялся в документах как расширенная тюрьма, а позже - как трудовой исправительный лагерь для гражданского населения. Этот комплекс представляет собой большую площадь, на которой размещены мемориальные плиты, символизирующие бараки, рядом с которыми располагаются скульптурные группы, характеризующие страдания и в то же время твердость духа узников.

Илл. 6. Мемориальный комплекс в Саласпилсе

Здесь установлен также памятный камень — место бывшей виселицы, и имеется проходящая по всей территории мемориала «дорога страданий». При входе на территорию комплекса находится стена, символически разделяющая жизнь и смерть. Внутри этой стены располагается мемориальный музей с картинами. Скульптуры, баракы, камень и музейная выставка не несут никаких признаков, которые бы указывали на этническую принадлежность жертв (илл. 6, 7).

В 1975 г. вышла книга — альбом на русском языке, на латышском она была выпущена ранее, в 1973 г., — посвященная концентрационному лагерю Саласпилс. В этом альбоме, в том месте, где перечислены жертвы,

можно прочесть следующее: «Самыми первыми — еще в 1941 году — через Саласпилский конвейер смерти прошли тысячи граждан Австрии, Чехословакии, Польши и других оккупированных гитлеровцами стран Европы, главным образом, евреи»²⁷. Идея увековечить (еврейских) иностранных граждан как отдельную группу была не новой. В 1960 г. ЦК Компартии Латвии был объявлен конкурс на создание композиции этого мемориала, о чем 19 января 1960 г. была опубликована статья в газете «Циня»²⁸. В этой статье в списке подлежащих увековечению групп населения значится также «барак для политических заключенных из Чехословакии, Польши, Югославии и других европейских государств». Однако указания, что речь идет о европейских евреях, депортированных в Латвию для уничтожения, там не было. Их отнесли, как сказано в тексте, к категории политических, а не расовых жертв фашизма. Неудивительно, что в таком контексте советские евреи и вовсе не могли фигурировать как особая группа жертв фашизма, выделенная по расовому принципу, если даже иностранные граждане были отнесены в начале 60-х гг. к категории политических жертв.

Другим примером может быть история создания памятника жертвам Холокоста в столице Белоруссии Минске. Памятник был возведен на месте бывшего еврейского гетто, где 2-го марта 1942 г. нацистами была проведена «акция». Среди местного населения это место носило название «Яма». В 1946 г. по инициативе минских евреев на этом месте был воздвигнут памятник, надписи на котором были выполнены на двух языках — русском и идише. Текст на обоих языках гласит: «Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибших от рук лютых врагов человечества — фашистско-немецких злодеев. 2 марта 1942 г.» (илл. 8, 9). Хотя официальное разрешение было получено от главлита, в отношении тех, кто участвовал в установке памятника, позже начались репрессии. Одним из пострадавших от репрессий стал камнетес М. Спришен. Среди прочего ему инкриминировали также работы по созданию этого памятника, хотя осужден он был «как участник антисоветской националистической группы, существующей при минской синагоге»²⁹. Несмотря на протесты евреев, вплоть до конца 60-х гг. памятник находился под постоянной угрозой сноса.

В 1988 г. он вместе с другими городскими памятниками был внесен в сборник «Собрание исторических и культурных памятников Белоруссии», выпущенный Академией наук БССР. В этом сборнике он был представлен как «Памятник на могиле жертвам фашизма» (под номером 239). В краткой статье говорится о евреях из Гамбурга, которые были

депортированы в минское гетто и уничтожены³⁰.

Жертвы из числа местных евреев в этой статье упомянуты не были. Библиография к статье содержит ссылки на источники 1965 и 1967 гг., в которых дана привязка к евреям из Гамбурга, депортированным на территорию оккупированной Белоруссии³¹.

Илл. 8. Минск, памятник на месте расстрела евреев («Яма»)

Таким образом, памятник сохранился до сегодняшних дней, потому

что он был переосмыслен и получил другой исторический подтекст. Инициативная группа минских евреев после окончания войны поставила перед собой цель увековечить память своих погибших родных и близких. Однако со временем усилиями государственной идеологии и подчиненной ей литературы этот памятник был переосмыслен в общественном пространстве как воспоминание о евреях, привезенных из других стран и уничтоженных на территории Минска.

На основании приведенных примеров мы видим, что решения о присутствии темы Холокоста на памятниках, установленных в общественном пространстве, на памятных знаках и в литературе, в которой упоминались памятники, принимались исключительно на государственном уровне. Это подтверждает целый ряд факторов. Во-первых, строительству мемориального комплекса в Саласпилсе предшествовал судебный процесс 1959 г. над Магнуссом Качеровским, инженером лагеря с 1941 г., которому среди прочих преступлений инкриминировалось насилие над узниками лагеря. Причем последней инстанцией для принятия решения о применении по отношению к нему высшей меры наказания была Москва³². Этот процесс привлек тогда особое внимание прессы и способствовал превращению Саласпилса в один из символов нацистской политики. В газете «Советская Латвия» с 27 сентября по 2 октября 1959 г. был опубликован целый ряд статей Юрия Дмитриева под названием «Это было в Саласпилсе». В них евреи упоминаются как одна из групп, ставших жертвами нацистов совместно с советскими гражданами и военнопленными. Еврейская группа жертв описывается исключительно как группа, привезенная из западной Европы, без упоминания евреев — советских граждан³³. Во-вторых, литература 70-х и 80-х гг. о Саласпилсе была идеологически выверена, причем книги издавались как на латышском и русском, так и на иностранных языках. Эта литература предназначалась для иностранных посетителей и читателей из-за границы, то есть затрагивала вопросы, которыми занимался исключительно отдел пропаганды, а не само издательство. Причем выходили эти брошюры сравнительно большими тиражами — процитированное выше издание 1975 г. вышло тиражом в 300 тысяч экземпляров. Это свидетельствует о сознательно принятом решении упомянуть иностранных евреев, а не об оплошности местного цензора. Кроме того, лагерь Саласпилс служил туристической достопримечательностью в маршруте, разработанном для туристических групп из-за границы, что также находилось под государственным контролем³⁵. К этой же категории относится публикация Академии Наук Белорусской ССР, в которой «Яма» не случайно переосмысливается в том

же жанре .

Таким образом, место еврейской трагедии в годы Второй мировой войны в советском нарративе было смещено. Тут было четко проведено разграничение между советскими гражданами-евреями, пострадавшими во время войны, и «инородным телом», то есть иностранными евреями, доставленными для уничтожения на территорию Советского Союза. Такое разграничение «своих» — советских и «чужих» — иностранных граждан практиковалось еще и до войны. Иностранные евреи рассматривались как совсем другая категория, а именно как группа иностранных граждан вне принадлежности к Советскому Союзу. Желавшие переселиться в Еврейскую автономную область из-за границы проверялись весьма тщательно государственными органами и во время чисток в середине-конце 30-х гг. подвергались репрессиям по обвинениям в шпионаже³⁷. Этот же подход нашел применение и в начале войны, о чем свидетельствует история 1940 г., когда Евгений Чекменев, начальник Переселенческого Управления при СНК СССР, получил запросы из Берлинского и Венского переселенческих бюро, не может ли Советский Союз принять к себе в Биробиджан и на западную Украину евреев, проживавших на немецкой территории. Ответ был отрицательный, мотивированный тем, что евреи не относятся к тем группам населения, о которых был заключен договор между Советским Союзом и Германией . Евреи, проживавшие на бывшей территории Польши, оккупированной Германией, а также евреи-граждане других стран не имели возможности получить правовой статус советских граждан, в отличие от тех, кто проживал в СССР до сентября 1939 г. или на территориях, аннексированных в 1939-1940-х годах.

Точно так же советская политика, не предусматривавшая особых групп жертв войны по национальному признаку, не могла быть применима к тем, кто не являлся советскими гражданами. Соответственно, их следовало увековечить как отдельную вне-советскую категорию. Тем самым было проведено разграничение между советскими и иностранными евреями. В советском нарративе и в общественном мемориальном ландшафте Второй мировой войны иностранные евреи представляли отдельную категорию жертв и поэтому оказались в официальном пространстве памяти. В отличие от них уничтоженные советские евреи были выведены из официального и помещены в частное пространство — в частную память, даже если она оказывалась вне стен синагог: на еврейских кладбищах или отдаленных местах массового уничтожения евреев.

Примечания

* Настоящая статья представляет собой переработанный и расширенный вариант статей: *Черкасски А.* Место увековечивания памяти евреям, уничтоженным во время Второй Мировой войны в советском мемориальном ландшафте // История и историки в контексте времени. 2012. № 9. С. 30-35, и: *Черкасски А., Терушкин Л.* Стратегии советской еврейской общественности по увековечиванию памяти на примере установки памятников евреям-жертвам фашизма / в печати.

1. *Кринко Е.Ф.* Великая Отечественная война: Формирование пространства исторической памяти / под ред. Матишова Г.Г. // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международной науч. конф. (28-29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону - Таганрог). Ростов-на-Дону, 2010. С. 21-27.
2. *Simon G.* Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. BadenBaden, 1986. S. 81.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров «об отделении церкви от государства и школы от церкви» URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>; «О религиозных объединениях». Постановление Всероссийского Центрального
4. Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР, 8.04.1929 // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2. 1929-1939. Москва, 1959. С. 29-45 или URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&st=&l=ru
5. *Альтшулер М.* Деятельность евреев по увековечиванию памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина // Яд Вашем: исследования, 2009. № 1. С. 171-192.
6. *Kondratova N., Ryleva A.* Helden und Opfer. Denkmäler in Russland und Deutschland// Osteuropa 2005, Nr. 4-5. S. 347-365; Положение об охране памятников культуры. Приложение к постановлению Совета Министров СССР от 14.10.1948 // *Анисимов Г.Г.* Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. Москва, 1973. С. 68-75; см. также Историческую справку Министерства Культура Латвийской ССР, где в разделе 11. Отдел охраны памятников истории и искусства сказано: «Решением Совета Министров ЛССР № 1008, от 22 августа 1956 г. Охрана памятников павшим войнам Советской Армии, ... и жертвам фашистского террора и братских могил была изъята из функции Министерства коммунального хозяйства и передана Министерству культуры» // LVA Ф. 678, Л. 1-11.
7. Государственный архив г. Киева (далее — Госархив г. Киева) Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 143. Л.121-122; *Kondratova N., Ryleva A.* Helden und Opfer. Denkmäler in Russland und Deutschland // Osteuropa 2005, Nr. 4-5. S. 347-365.
8. ГАРФ Копия Yad Vashem Ф. М. 46. Д. 31. Л. 35-41.
9. Yad Vashem Ф. М. 46. Д. 31. Л. 20.

10. Еврейский музей Эстонии (EJM): Архив эстонских евреев, подразделение Холокост и антисемитизм, документы по Истории проекта создания памятника на кладбище в Рахумяэ (1968); URL: www.eja.pri.ee
11. EJA, Воспоминания / Рассказы, *Ступель Р.* Лев Шалом Минков 1905-1978. Воспоминания дочери Шуламит Минковой «О папе и других». По устному рассказу 3/2007 // URL: www.eja.pri.ee/stories/Minkova.html
12. Еврейский Музей Эстонии (EJM): Архив Эстонских Евреев, подразделение Холокост и Антисемитизм, документы по Истории проекта создания памятника на кладбище в Рахумяэ (1968); URL: www.eja.pri.ee; или URL: <http://eja.pri.ee/history/Holocaust/Pamyatnik.pdf>
13. Под грифом «Judenfrei». Холокост на территории оккупированной нацистами Эстонии 1941-1944. Таллинн, 2009. С. 30; EJA, Воспоминания / Рассказы, *Ступель Р.* Лев Шалом Минков 1905-1978. Воспоминания дочери Шуламит Минковой «О папе и других». По устному рассказу 3/2007 // URL: www.eja.pri.ee/stories/Minkova.html
14. <http://www.eja.pri.ee/stories/Minkova.html>
15. *Иванова Е.А.* Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941-1943 гг. / составители И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова. М. - Ростов на Дону, 2012.
16. *Иванова Е.А.* Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941-1943 гг. Вклад. 14-15.
17. *Смиловицкий Л.* Евреи Беларуси. Из нашей общей истории 1905-1953. Минск, 1999. С. 238-247; *Смиловицкий Л.* Это было в Червене // URL: <http://ihumien.belinter.net/monholo.shtml>; *Smilovitsky L.* Attempt to Erect Memorial to Holocaust Victims Blocked by Soviet Belorussian Authorities // URL: http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/smilovitsky_books.htm; *Smilovitsky L.* Attempt to Erect Memorial to Holocaust Victims Blocked by Soviet Authorities // East European Jewish Affairs. Vol. 27, № 1, 1997. P. 71-80.
18. *Черкасски А.* Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25), S. 82-89; URL: <http://bg.sutr.ru/ru/archive.html?number=2012-09-18-17:49:52&journal=26>
19. *Feferman K.* Soviet Investigation of Nazi crimes in the USSR: Documenting the Holocaust // Journal of Genocide Research 2003, 5 (4), December. P. 578-602.
20. Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 14.03.1946. С. 1; *Overy R.* Russlands Krieg 1941-1945. Hamburg, 2003. S. 435ff.
21. Written Testimonies. Receipt certifying a donation towards erecting the monument,

Receipt 3.09.1972 // URL: <http://www.yadvashem.org/untoldstories/database/commemoration.WT.asp?cid=360>; Мороз В. Открытие памятника // URL: http://shtetle.co.il/shtetls_minsk/cherven/cherven.html

22. *Вершицкая Т.Г.* Куренец // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. 2-е изд., М., 2011. С. 498-499; Государственный архив Минской области (ГАМО) Ф. 2316, Оп. 1, Д. 414, Л. 21; <http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=015.jpg&type=3>
23. <http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=015.jpg&type=3>
24. <http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=Dzerzhinsk03.jpg&type=3>; http://www.yadvashem.org/untoldstories/database/murderSite.asp?site_id=469; <http://www.yadvashem.org/untoldstories/database/commemoration.asp?cid=376>
25. ГАМО 2316, 1, 414, 20 - 21/27
26. Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР // Влјум: Zensur in der UdSSR. S. 266-274; Положение о главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров Латвийской ССР 1967 года // LVA 270, 1s, 1821, 6-10.
27. *Богов В.* Приговоренные нацизмом. Концлагерь Саласпилс: Забытая история. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941-1944 гг. Рига, 2011. С. 1930.
28. *Сауснитис К.* Саласпилс. Сапаспилсский лагерь смерти. Рига, 1975. С. 2.
29. *Богов В.* Приговоренные нацизмом. С. 53.
30. *Герасимова И.* Новая история старого памятника // Мишпоха. № 22. С. 9098; URL: <http://mishpoha.org/n22/22a21.shtml>.
31. Збор помнікаў і гісторыі і культуры Беларусі (из серии книг Академии Наук СССР. Свод памятников истории и культуры народов СССР). Минск, 1988. С. 164.
32. Псторыя Мшска. 2. выд. Минск, 1967. С. 440; Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941-1944. 2 изд. Минск, 1965. С. 24, 442.
33. *Богов В.* Приговоренные нацизмом. С. 55д.
34. *Дмитриев Ю.* Это было в Саласпилсе // Советская Латвия, 27.09. - 02.10. 1959; URL: <http://www.rigacv.lv/node/287>
35. Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР // Влјум: Zensur in der UdSSR S. 266-274; Положение о главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров Латвийской ССР 1967 года // LVA 270, 1s, 1821, 6-10.
36. Положение об Управлении по иностранному туризму при Совете Министров Латвийской ССР // LVA 270, 1s, 1821, 21-27; и Постановление № 347-18 об открытии

на территории Латвийской ССР маршрутов для иностранных туристов // LVA 270, 1s, 1821, 40-44ар.

37. Збор помнікаў і культуры Беларус (из серии книг Академии Наук СССР Свод памятников истории и культуры народов СССР). Минск, 1988. С. 164.
38. *Poljan P.* Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? Überlegungen zu einem Schriftwechsel im Wert von zwei Millionen Menschenleben / Hürter J., Zarusky J. (Hrsgs.) // Besatzung, Kollaboration, Holocaust. Neue Studien zur Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Bd. 97. München, 2008. S. 12-13; *Полян П.* Иностранцы в Гулаге: Советские репрессии против иностранноподданных // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0147/analit03.php>.
39. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и Антисемитизм. Москва, 2001. С. 188-189; *Poljan P* Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? S. 1-20; URL <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/po16.html>.